

Осип Мандельштам

Исакий подъ фатой молочной белизны
Стоить седою голубятней,
И посохъ бередить седья тишины
И чинь воздушный сердцу внятнй.

Столетнихъ панихидъ блуждающій призра'къ,
Широкій выносъ плащаницы,
И въ ветхомъ неводе генисаретскій мракъ
Великопостныя седмицы.

Ветхозаветный дымъ на теплыхъ алтаряхъ
И іерея возгласъ сирый,
Смиреникъ царственный: снегъ чистый на плечахъ
И одичалыя порфиры.

Соборы вечные Софїи и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенскаго добра,
И риги новаго завета.

Не къ вамъ влечется духъ въ години тяжкихъ бедъ,
Сюда влачится по ступенямъ
Широкопасмурнымъ несчастья волчїй следъ,
Ему вовеки не изменимъ.

Зане свободенъ рабъ, преодолевшїй страхъ,
И сохранилось свыше меры
Въ прохладныхъ житницахъ, въ глубокихъ закромахъ
Зерно глубокой, полной веры.

1921.

Поздняя редакция этого заключительного стихотворения *Tristia*, опубликованная в берлинской газете *Накануне* (лит. прил.), 28 мая 1922 г.:

Люблю под сводами седья тишины
Молебнов, панихид блужданье
И трогательный чин — ему же все должны —
У Исаака отпеванье.

Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы
И в ветхом неводе генисаретский мрак
Великопостныя седмицы.

Ветхозаветный дым на теплых алтарях
И иерея возглас сирий,
Смиренник царственный — снег чистый на плечах
И одичалые порфиры.

Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового завета.

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим.

Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.

1921